

Валерий Брюсов

Дали

Содержание

ВЕКА И ПРОСТРАНСТВА	0005
КРАСНОЕ ЗНАМЯ	0005
МЫ ВСЕ — РОБИНЗОНЫ	0007
КРУГАМИ ДВУМЯ	0008
ЛЕГЕНДА ЛЕТ	0009
ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ	0010
NIHIL	0011
POU STO	0012
МЫ И ТЕ	0013
РАЗОЧАРОВАНИЕ	0015
МОЛОДОСТЬ МИРА	0016
МИНУТЫ	0018
ТАМ, В ДНЯХ...	0018
ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ О ЛЮБВИ	0019
С ГАНГА, С ГОАНГО...	0020
ГОДЫ В БЫЛОМ	0021
ЛИШЬ МИГИ	0022
В ПРЯТКИ	0023
ОТ ВИСКА И ДО ВИСКА	0024
КТО? — МЫ? ИЛЬ ТАМ...	0025
ПОД ЗИМНИМ ВЕТРОМ	0026
ИСКУШЕНИЕ ГИБЕЛИ	0027
ЧУТЬ СКВОЗЬ УЛЫБКУ	0029
НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1922 г	0029
ПЕРЕД СЪЕЗДОМ В ГЕНУЕ	0031

СЕГОДНЯ	0032
ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ	0033
ЗАГАДКА СФИНКСА	0034
ПЛЕННЫЙ ЛЕВ	0035
НОВЫЙ СИНТАКСИС	0036
СТИХИ О ГОЛОДЕ	0038
СТИХИ О ГОЛОДЕ	0038

Валерий Брюсов
ДАЛИ
1922

ВЕКА И ПРОСТРАНСТВА

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя, весть о пролетариате,
Извиваясь кольцом,
Плещет в голубые провалы вероятия
Над Кремлевским дворцом;
И новые, новые, странные, дикие
Поют слова...
Древним ли призракам, Мойрам ли, Дике
ли,
Покорилась Москва?
Знаю и не узнаю знакомого облика:
Все здесь иным.
Иль, как в сказке, мы все выше леса до облака
Вознесены?
Здравствуй же, племя, вскрывающее двери
нам
В век впереди!
Не скоро твой строй тараном уверенным
Судьба разредит!
Лишь гром над тобой, жизнь еще не воспе-

тая,

Свой гимн вопил,

Но с богами бессмертье — по слову поэта —

я

Заживо пил.

Волшебной водой над мнимой усталостью

Плеснули года.

Что-нибудь от рубцов прежних ран оста-
лось ля?

Грудь молода.

С восторгом творчества, под слепыми цик-
лонами,

Мечту сливать

И молодость в губы губами неуклонными

Целовать.

24 марта 1922

МЫ ВСЕ — РОБИНЗОНЫ

Все же где-то в сонном атолле
Тень свою пальмы купают.
В Рязанском пруду оттого ли
До страдания бледны купавы?
В океаны вдвинутый стимер
Уследишь ли с пляжа лорнетом?
И станет ли наш сон возвестимей
В синеве горящим планетам?
Мы радио бросаем в пространство,
Видим в атоме вихрь электронов,
Но часто мечтаем про странность
Природы, мимозу тронув.
Мы все — Робинзоны Крузо,
И весь мир наш — спокойный остров;
Он без нас будет мчаться грузно
В ласке солнца, знойной и острой.
И вся груда наук и раздумий,
Картин, поэм и статуй —
Станет пепл, что в огонь не раздует
Налет кометы хвостатой.
Пирамиды, спите над Нилом!
Слоны, топчите Гвинею!
По-прежнему в болоте немилком

Незабудкины слезы синеют.

11 декабря 1921

КРУГАМИ ДВУМЯ

А вто, что Парижем шумят,
Колонны с московской ионией,—
Мысль в напеве кругами двумя:
Ей в грядущие ль дни, в Илион ли ей?
В ночных недвижимых домах,
На улицах, вылитых в площади,
Не вечно ли плач Андромах,
Что стучат с колесницами лошади?
Но осой загудевший биплан,
Паутина надкрышного радио,
Не в сознанье ли вчертанный план,
Чтоб минутное вечностью радовать?
Где в истомную дрожь путь, в конце ль
Скован каменный век с марсианами,—
В дуговую багряную цель
Метить стрелами осиянными?
Искрометно гремящий трамвай,
Из Коринфа драконы Медеины...
Дней, ночей, лет, столетий канва,
Где узора дары не додеяны.

20 ноября 1921

ЛЕГЕНДА ЛЕТ

Мощь — в плиты пирамиды; гнев холод-
ный —

В сеть клинописи; летопись побед —
В каррарский мрамор; в звоны бронз, в по-
лотна —

Сказанья скорбные торжеств и бед;
Мечты и мудрость — в книги, свитки, то-
мы,

Пергаменты, столбцы печатных строк! —
Клад всех веков, что нищенских котомок
Позорный сбор, — запас на краткий срок!
Тем — статуи, музеи — этим! Читайте,
В преданьях стран, певцов и мудрецов! —
Иной поэт пел в дальней Атлантиде,
Все к тем же звездам обратив лицо.
При прежнем солнце глянет день, и, к тай-
нам

Причислен, станет баснословен — слон.
Бред в смене бредов — Архимед с Эйн-
штейном,

Легенда лет — Москва иль Вавилон.
Искать? чего? — крупинки в вихрь вселен-
ной

Не вдвинуть! Сны? — им все во власть ли
ты
Предашь? Длитель вечность Фаусту с Еленой,
Где призрак-мысль и призрак-страсть сли-
ты!

8 февраля 1922

ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Первозданные оси сдвинуты
Во вселенной. Слушай: скрипят!
Что наш разум зубчатый? — лавину ты
Не сдержишь, ограды крепя.
Для фараоновых радужных лотосов
Петлицы ли фрака узки,
Где вот-вот адамант *Leges motus*'ов
Ньютона — разлетится в куски!
И на сцену — венецианских дождей ли,
Если молнии скачут в лесу!
До чего, современники, мы дожили:
Самое Время — канатный плясун!
Спасайся, кто может! — вопль с палубы.
Шлюпки спускай! — Вам чего ж еще?
Чтоб треснул зенит и упало бы
Небо дырявым плащом?
Иль колеса в мозгу так закручены,

Что душат и крики и речь,
И одно вам — из церкви порученный
Огонек ладонью беречь!
15 марта 1922

NIHIL[1]

Как мечты о мечтах отошедшего детства,—
Над папирусом никнуть в святилище
Ра,

В тогу на форум небрежно одеться,
Влюбленным трувером у окна замирать...
Наука над ухом: «Голос атавизма!..
Сложность клетки!» — и много прочих
слов.

Акула, наш дух! ты ль — веками давиться,
Где песчинки в самуме — тысячелетий
число!

Я был? я ли не был?.. И были и небыль —
Цветное круженье молекул в мозгу:
Зачерпнуть ли под череп с созвездьями
небо?

На ладонь уложить ли золотую Москву?
И, поклонникам кинув легенды да книги,
Оживленный, быть может, как дракон на
звезде,

Что буду я, этот? — не бездонное ль nihil,
Если память померкла на земной борозде,
Если я не узнаю мило-мнимых мгновений,
Где вот эти губы припали к лицу,
Если — раб роковых межей, мановений
Вечности, веющей вслед беглецу!
1 февраля 1922

POU STO[2]

Ты ль пригоршнями строфы по радио,
Новый орфик, на Марс готовишь?
Но короче аркан, — земной радиус:
Вязнешь по пояс в прошлом, то бишь!
Этот стих, этот вскрик — отзвук: выпла-
кать
Страх, что враг камень в лоб загонит,
Черепка скрип на сланце, а вы: плакат
Там, в межзвездном, — Lux-Zug[3] — ваго-
не!
Бедный бред, что везде — скреп Эвклидо-
вых
Тверд устой: столп, шатнуть нельзя!
Все ж в веках пробил час, где б выкиды-
вать
Истин груз, все их в муть неся!

Прометей ли пришел? укажи: rou sto?
Иль Фиджийский вождь встал с рогожи?
Смысл веков не брожение ль во лжи пу-
стой!

Время, место — мираж прохожий!
Только снег, зелень трав, моря мантия,
Сговор губ к алтарю Селены —
Свет насквозь смертных слов, пусть обман
тая,

Нам наш путь в глубину вселенной.

11 января — 17 февраля 1922

МЫ И ТЕ

Миллионы, миллиарды, числа невыговари-
ваемые,

Не версты, не мили, солнце-радиусы, све-
тогода!

Наши мечты и мысли, жалкий товар, и вы,
и мы, и я —

Не докинул никто их до звезд никогда!

Велика ли корысть, что из двух соперни-
ков древности

Пифагором в веках побежден Птоломей,

Что до нас «e pur se...» Галилей умел доне-
сти,

И книга его, прозвенев, стала медь?
Велика ли корысть, что мы славим радост-
но честь свою,

В обсерватории на весы Сатурн опустив,
Посчитав на Венере градусы по Цельсию,
Каналы на Марсе ловя в объектив?
Все равно! все равно! И ничтожного отзы-

ва
Нет из пространства! терпи да млей!
Мы — что звери за клеткой! Что ж, новово-
лосого

Марсианина, что ль, мы ждем на земле?
Так растопчем, растопчем гордость
неоправдываемую!

Пусть как молния снидет из тьмы ночи ло-
вец —

Братъ наш воздух, наш фосфор, наш радий,
радуя и мою

Скорбь, что в мире смирил умы не чело-
век!

17 февраля 1922

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Вот замолкла, заснула, закуталась
Черным ворохом чуткая полночь.
Дверь в миры отперта; из-за купола
Марс мерцает приближенный. Полно!
Ты — мой бред! ты — мой призрак! Лилит
моя!

Мозг пилить невозможным ты снова ль?
Что мы? — капля, в вселенную влитая,
Нить, где взвита в бездонность основа!
Те мечты я сотру, мел на аспиде!
Сеть каналов твоих смажу тушью!
Прокричи из ночи еще раз: «Приди!»
Мне ль углей мировых внять удушью?
Пусть нигде, пусть никто, всех семи пла-
нет,

Нам не отзыв, не зов: лед и зной лишь!
Вечность нас зевом медленным выплю-
нет,—

Мы — лишь бедный цветок, ах! весной ли?
Прежде, после, — ей что? наших выкладок
Ей не брать, — единиц в биллионе!
Звезд ряды строить в небе привыкла так,
Что меня, здесь во тьме, для нее — нет!

1 марта 1922

МОЛОДОСТЬ МИРА

Нет! много ли, мало ли, чем бы ты вымерил
Все, что в тысячелетия, как в пропасть
упало,—

Материки, что исчезли, расы, что вымер-
ли,

От совета Лемурув до совета в Рапалло?

Имена персеидами падают в памяти,

Царей, полководцев, ученых, поэтов...

Но далеко ль еще по тем же тропам идти,

Набирая в ненужный запас то и это?

На пути библиотеки стоят цитаделями,

Лагерями — архивы, заграждением — му-
зеи...

Вдребезги грудь о песни к Делии,

Слеп от бомб риккертланства, глух от древ-
них Тезеев.

Но океаны поныне кишат протоплазмами,

И наш радий в пространствах еще не рас-
трачен,

И дышит Земля земными соблазнами,

В мириадах миров всех, быть может,
невзрачней.

А сколько учиться, — пред нами букварь
еще!

Ярмо на стихии наложить не пора ли,
Наши зовы забросить на планету товари-
щу,

Шар земной повести по любой спирали?
Человек! свои мерки опять переиначь! а то
Уронишь афишу, озадаченный зритель!
Человечеством в жизни ныне не начата ль
Лишь вторая глава там, в Санта-Маргари-
те?

1 мая 1922

МИНУТЫ

ТАМ, В ДНЯХ...

Где? — в детстве, там, где ржавый пруд
Кренил карвеллы в муть Саргассо,
Чтоб всполз на борт надонный спрут,—
Там вновь Персей познал Пегаса!
Там, в дни, где солнце в прорезь лип
Разило вкруг клинком Пизарро,—
Все звенья логик что могли б?
Сны плыли слишком лучезарно!
Потом, в дни, где медяный строй
Звенел и пели перья шлема,—
Не всюду ль ждал Ахей иль Трои,
Пусть буквы в ряд слагались: лемма!
И в дни, где час кричал: «Дели ж
Миг на сто дрожей непрестанно!»
Кто скрыл бы путь меж звезд, — где лишь
Бред, смерть Ромео иль Тристана?
Там, в днях, — как знать? в руде веков,
В кровь влитых, гимном жгущих вены, —
Там — взлет и срыв, чертеж стихов,
Копье ль Афин, зубцы ль Равенны?

22 марта 1922

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Тосковать в снег весны, — о, банальные
Песни праотцев, скок чрез огонь:
С тигром крыться под своды бананные,
Догонять с рыжей пумой вигонь!
Март морочит морозная оттепель;
К печкам лепятся тени Мюрже...
Что ж плеснуло? груз тел, — не на отмель
ли

К ласкам вешним две пары моржей?
Ночью вскрыть бы (проделки Лесажевы)
Потолки: лоб на лоб, рот ко рту,—
Сколько спянных в дрожь! Иль рассаже-
ны

В них твои паладины, Артур?
Волны бьют с пустыря миоценова,
Чтоб, дрожа, грудь теплела в руке:
Древних дебрей слеза драгоценная —
Вздых табачный ловить в мундштуке.
Верб заветных где пух? — Не равно ли им,
Здесь, где страсть — на прилавок товар,
Лед и гейзеры, ель и магнолии...
А Джон Фич, темя вниз, в Делавар!

22 марта 1922

С ГАНГА, С ГОАНГО...

С Ганга, с Гоанго, под гонг, под тимпаны,
Душны дурманы отравленных стран;
Фризским каналам, как риза, — тюльпаны;
Пастбищ альпийских мечта — майоран.
Тяжести ль молота, плуговой стали ль
Марбургство резать и Венер ваять?
С таежных талостей Татлиным стать ли?
Пановой песни свирель не своя.
Вьюга до юга докинёт ли иней?
Прянет ли пард с Лабрадорских седин?
Радугой в пагодах клинопись линий,
Готика точит извилины льдин.
В бубны буди острозубые бури —
Взрыхлить возмездье под взвихренный
хмель!

Зелья густить, что Локуста в Субурре,
Пламя, слепящее память, — умей!
Гонг к вьолончели! тимпаны к свирелям!
Тигровый рык в дрожь гудящих жуков!
Хор Стесихора над русским апрелем,
В ветре, — приветствии свежих веков!

28 декабря 1921

ГОДЫ В БЫЛОМ

Наискось, вдоль, поперечниками
Перечеркнуты годы в былом,—
Ландкарта с мелкими реченьками,
Сарай, где хлам и лом.
Там — утро, в углу, искалеченное;
Там — вечер, убог и хром;
Вот — мечта, чуть цела, приналечь на нее,
Облетит прогорелым костром.
Цели, замыслы, — ржа съедающая
Источила их властный состав,
С дней, растерянных дней, тех, когда еще я
Верил вымыслам, ждать не устав.
И они, и они, в груди скученными,
Ночи клятв, миги ласк, тени губ...
Тлеть в часах беспросветных не скучно ли
им,
Как в несметном, метельном снегу?
Конквистадор, зачем я захватываю
Город — миг, клад — часы, год — рубеж?
Над долиною Иосафатовою
Не пропеть пробужденной трубе.
11 февраля 1922

ЛИШЬ МИГИ

Не шествия, где в гул гудят знамена,
Не праздник рамп, не храмовой хорал,—

Туда, в провал, из правды современной,
С морского дна излюбленный коралл;
Нет! — милые обличья жизни нежной:
Вдвоем над Гете светом тень спугнуть,
Вдохнуть вдвоем с созвездий иней снеж-
ный,

У ног любимых ботик застегнуть;
Лишь миги, те, — сознанья соль живая,—
Что пресный ключ включают в океан,
И жгут из мглы дней и надежд, всплы-
вая,—

Киприды лик, весь пеной осиян;
И там, за гранью памятей и пеней,
Впивая в я не взором кругозор,
Не вопль вражды, не прелесть песнопений,

Победный терн иль лавровый позор,
Но час, где ночь, где за стеклом бесцвет-
ным

С промерзлых камней оклики колес,

Где узость плеч под простыней, в заветном
Последнем споре под наитьем слез.
18 ноября 1921

В ПРЯТКИ

Ночь уснула, дождем убаюкана,
Спит старуха, младенца крепче,
Теперь не расслышит ни звука она,
Что любовник-месяц ей шепчет.
Ветер улицы яростно вылизал,
Всюду рыщет, косматый и серый,
Веселится в роскошном обилии зал,
Скачет с мокрыми ветками в скверах.
Тучи, побитое войско, разомкнуты,
Вскачь бегут, меж звезд, без оглядки:
Исекли их, щелкая, громаы кнута,
Молний пляс истомил игрой в прятки.
Стены все — упорные странницы,
Ходят грузно по лунной указке:
Свет мигнул, — церковь старая кланяется,
Тень нашла — к дому дом льнет по-брат-
ски.

Без присмотра все силы кинуты,
Развинтилась в них каждая гайка.
Эх, доверилась Сумраку-сыну и ты,

Ночь-карга, земная хозяйка!
Он же рад сам трунить над месяцем,
Распустил стихии; при свете
Радостно раскуролеситься им,—
Разошлись тучи, камни и ветер!
18 мая 1921

ОТ ВИСКА И ДО ВИСКА

Ветер гонит искры снега
Мимо окон, застя свет;
В свисте вьюги взрывы смеха;
Чутко плачет печь в ответ.
Здесь за дверью — остров малый,
Вихри волн — за рифом там.
Мгла причалы мачт сломала,
Мгла примчала нас к мечтам.
Лапой лампу пальма ль валит?
Зной с каких морских песков?
Ночь причудней. Пью в овале
Грустных губ вино веков.
Рыщут тигры; змеи свиты;
Прямо прынет вниз боа...
Что все страхи! лишь зови ты
Грот, где бред наш, — Самоа.
Мглами слеп, втеснюсь во мглу я,

Где прически прядь низка,
Чтоб вдохнуть сон снов, целуя
От виска и до виска!

27 января 1922

КТО? — МЫ? ИЛЬ ТАМ...

Моя рука — к твоей святыне,
На дрожь мою — ладонь твоя;
Сан-Марко два жгута витые
Колени жгут, мечту двоя.
Длитель сон предчувствий; первый трепет
Впивать в сухом агате глаз:
Следя добычу, смотрит стрепет,
Ждет искр Франклинов а игла.
Кто? — мы? иль там, в веках воспетых,
Мимнерм, Тибулл, Петрарка, все!
Ur-Mensch, в его слепых аспектах,
Две птицы, слитые в овсе?
Чудовищ, тех, эпохи ранней,
Вздых в океан, громовый всхлип,
Где в ласке клык смертельно ранит,
Где рот рычать от крови слип?
Уже двух рук сближенье жутко,
Дождь тысяч лет гудит в ушах,—
В бред, в хаос, в тьму без промежутка,

Все светлы, правды и лжи, глуша!

8 марта 1922

ПОД ЗИМНИМ ВЕТРОМ

Додунул ветер, влажный и соленый,
Чуть дотянулись губы к краю щек.
Друг позабытый, друг отдаленный,
Взлетай, играй еще!

Под чернью бело, — лед и небо,—
Не бред ли детский, сказка Гаттераса?

Но спущен узкий, жуткий невод,
Я в лете лет беззвучно затерялся.

Как снег, как лед, бела, бела;

Как небо, миг завешен, мрачен...

Скажи одно: была? была?

Ответь одно: вавек утрачен!

Кто там, на Серегу, во тьму

Поник, — над вечностями призрак?

Века ль стоять ему

В заледенелых ризах?

Достигнут полюс. Что ж змеей коралловой

На детской груди виться в кольцах медлен-
но?

Волкан горит; в земле хорала вой,

В земле растворены порфир и медь в вино.

Додунул ветер с моря, друг отвергнутый,
Сжигает слезы с края щек...

Я — в прошлом, в черном, в мертвом! Дав-
ний,

верный, ты

Один со мной! пытай, играй еще!

17 февраля 1922

ИСКУШЕНИЕ ГИБЕЛИ

Из викингов кто-то, Фритиоф ли, Гаральд
ли,

Что царства бросали — витать на драконе,
Памятный смутно лишь в книге гераль-

дик,

Да в печальном преданьи Мессин и Лакон-
ний;

Иль преступный Тристан, тот примерный
рыцарь,

Лонуа завоевавший, Роальду подарок,

Иль еще Александр, где был должен за-
крыться

Путь через Инд столицей ad aras;[4]

Иль некто (все имена примеривать надо
ль?)

Не создали ль образ, мрамор на вечность:

Вместит все в себе, — Лейбницова монада,
The imp of the perverse — Эдгара По чело-
вечность?

Искушение гибели — слаще всех искуше-
ний

(Что Антония черти на картине Фламанд-
ца!) —

С Арионом на дельфине плыть из круше-
ний,

Из огня выходить, цел и смел, — саламанд-
ра!

Пусть друзья в перепуге, те, что рукоплес-
кали,

Вопиют: «Дорога здесь!» («Родословная»,
Пушкин);

Ставя парус в простор, что звать: «Цель
близка ли?»

Что гадать, где же лес, выйдя к опушке?

Веселье всегда — нет больше былого!

Покинутым скиптром сны опьянены ли?

И жутко одно, — этого судьба лова,

Исход сражений, что затеяны ныне!

18 апреля 1922

ЧУТЬ СКВОЗЬ УЛЫБКУ

НАД КАРТОЙ ЕВРОПЫ 1922 г

В старь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидской крутизны.
Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набело?
Словно временем на своды
Сотню трещин навело.
Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый
Подымался в гарь веков?
Там, где гений Александра
В общий остров единил
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?
Там, где гордость Газдрубала,
Словно молотом хрусталь,
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?

Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идиллий
Был творцом Наполеон?
Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседелый
Брошен был весной в овраг.
Это — Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спясть народы
Только красным знаменам.
26 марта 1922

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ В ГЕНУЕ

Перед съездом в Генуе
Споры, что вино:
Риму ль, Карфагену ли
Лавровый венок?
А в Москве — воскресный звон
Всех церквей нэпо:
В центре всюду — «Трест und Sohn», [5]
С краю — «Мон герос».
Жизнь не остановится,
Все спешит, бежит;
Не она виновница,
Если жмут межи.
Крикнуть бы при случае:
«Друг, остановись!
Заклучи-ка лучшее
В малый парадис!»
Солнце — на экваторе...
Но, где мы вдвоем,
Холоден, как в атрии,
Ровный водоем;
И пускай в Аляске вой
Вихрей у могил,—
Ты улыбкой ласковой

Солнцу помоги!

28 февраля 1922

СЕГОДНЯ

На пестрых площадях Занзибара,
По зеленым склонам Гавайи,
Распахиваются приветливо бары,
Звонят, предупреждая, трамваи.
В побежденном Берлине — голод,
Но ослепительней блеск по Wein-ресторанам;

После войны пусть и пусто и голо,—
Мандрагоры пляшут по странам!
И лапы из золота тянет
Франция, — всё в свой блокауз!
Вам новейшая лямка, крестьяне!
Рабочие, вам усовершенствованный лок-аут!

Этому морю одно — захлестнуть бы
Тебя, наш Советский Остров!
Твои, по созвездиям, судьбы
Предскажет какой Калиостро!
В гиканьи, в прыганьи, в визге
Нэпманов заграничных и здешних,
Как с бутылки отстойной виски,

Схватить может припадок сердечный.
На нашем глобусе ветхом,
Меж Азии, Америк, Австралии,
Ты, станции строя по веткам,
Вдаль вонзишь ли свои магистрали?
6 марта 1922

ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Те в храме, негу льющей в кровь Мелитты,
Те за щитом — пасть навзничь в Росен-
вале;

А здесь, где тайну цифры засевали,
В рядах реторт — электролиты.
Там, всюду, те, кто в счете миллионов,
С семьей, за рюмкой, в спальне, на арене,—
Клясть, обнимать, дрожать разуверений...
И все — безвольный хмель ионов!
Крутиться ль жизни в буйстве и в угаре?
На бедра бедрам падать в зное пьяном,
Ножам втыкаться в плечи Арианам,
Тупиться дротам в Калахари?
Наука выставила лик Медузы,
Все истины растворены в мицелле,
И над рабами бич гудит: «Нет цели!»
Кто с Прометея снимет узы?

Спешите, Геракл! не сломите титана!
Огня не мог задуть плен стовековой.
На все угрозы и на все оковы
Заклятье — песни Гюлистана.
30 марта 1922

ЗАГАДКА СФИНКСА

Зеленый шарик, зеленый шарик,
Земля, гордиться тебе не будет ли?
Морей бродяги, те, что в Плюшаре,
Покрой простора давно обузили.
Каламбур Колумба: «Il mondo roso»,—
Из скобок вскрыли, ах, Скотт ли, Пири ли!
Кто в звезды око вонзал глубоко,
Те лишь ладони рук окрапивили.
Об иных вселенных молча гласят нам
Мировые войны под микроскопами,
Но мы меж ними — в лесу лосята,
И легче мыслям сидеть за окопами.
Кто из ученых жизнь создал в тигле?
Даст каждый грустно ответ: «О, нет! не я!»
За сто столетий умы постигли ль
Спиралей пляску, пути планетные?
Все в той же клетке морская свинка,
Все новый опыт с курами, с гадами...

Но, пред Эдипом загадка Сфинкса,
Простые числа все не разгаданы.
1921–1922

ПЛЕННЫЙ ЛЕВ

Здесь, где к прудам нависают ракиты,
Уток узорный навес,
Что нам застылые в сини ракеты
Вечно неведомых звезд?
В глухо закутанной юрте Манджура
Думам степного царя
Царь знойных пажитей, Килиманджаро,
Снится ль, снегами горя?
В позднем просторе ночей поцелуям
Тесно ль на милых плечах?
Крик свой в неизвестное что ж посылаем,
Скорбь по пространствам влача?
Сотни столетий — досути полипам
Строить коралловый хлев...
Спишь ты, канатами связан по лапам,
Праздных посмешище, лев!
Сказы к чему же венчаных ведуний,
В час, когда бел Алтаир?
Иль тебе мало всех снов и видений,
Ждущему грохот Заир?

Прянь же! и в вечность, — добыча заклан-
тий,—

Рухни, прекрасно разбит,
Иль, волен властвовать, ринься за клетки
Всех планетарных орбит!

8 апреля 1922

НОВЫЙ СИНТАКСИС

Язык изломан? Что ж! — глядите?

Слова истлевшие дотла.

Их разбирать ли, как Эдите

На поле Гастингском тела?

Век взвихрен был; стихия речи

Чудовищами шла из русл,

И ил, осевший вдоль поречий,

Шершавой гривой заскорузл.

Но так из грязи черной встали

Пред миром чудеса Хеми,

И он, как шлак в Иоахимстале,—

Целенье долгих анемий.

В напеве первом пусть кричащий

Звук: то забыл про немоту

Сын Креза, то в воскресшей чаще

Возобновленный зов «ату!».

Над Метценжером и Матиссом

Пронесся озверелый лов,—
Сквозь Репина к супрематистам,
От Пушкина до этих слов.
1922

СТИХИ О ГОЛОДЕ

СТИХИ О ГОЛОДЕ

«Умирают с голода,
Поедают трупы,
Ловят людей, чтоб их съесть, на аркан!»
Этого страшного голоса
Не перекричат никакие трубы,
Ни циклон, ни самум, ни оркан!
Люди! люди!
Ты, все человечество!
Это ли не последний позор тебе?
После прелюдий
Войн и революций
На скрижалях земли он увековечится!
Перед вашей святыней
Не лучше ли вам кричать гильотине:
Прямо нас всех по аорте бей!
Как?
Тысячелетия прошли с тех пор,
Как человек посмел взглянуть в упор
В лицо природы, как халдей назначил
Пути планет и элин мерить начал

Просторы неба; мы ль не пьяны тем,
Что в наших книгах сотни тысяч тем,
Что, где ни подпись, всюду — многознай-
ки,

Что мотор воеет в берег Танганайки,
Бипланы странствуют, как строй гусят,
И радио со всех газет гудят!

Однако!

Наша власть над стихиями — где ж она?
«Ни» исчислено до пятисотого знака,
Любая планета в лабораториях свешена,
Комариные нервы исчислил анатом,
Мы разложили атом...

Но вот — от голода обезумевший край,
Умирает, людоедствует,
Мать подымает на сына руку;
А ученый ученому мирно наследствует,
Определяет пыльцу апатура...

Кто там! бог! или рок! иль натура!

Карай

Эту науку!

Как!

Ужели истину всех мудрецов земли,
Как вихри пыль, столетья размели?

Том на тома, играли лишь в бирюльки

Филологи, твердя о древней люльке,
Где рядом спал ариец и семит,
Монгол, и тюрк, и раб от пирамид?
Как! все народы, в единеньи страстном,
Не стали братьями на этот раз нам?
И кто-то прокричал, вслух всем векам:
«Полезна ль помощь русским мужикам?»»

Да!

Стелется сизым туманом все та же

Вражда

Там, где нам предлагают стажи!

Лишь немногие выше нее,—

Над болотами Чимборазо! —

Нет, не все знали, что мир гниет,

До этого раза!

Но пусть

Там, с Запада, набегает облава;

Пусть гончих не счесть,

Пусть подвывает рог ловчего!

Тем, кто пришел на помощь к нам, — слава!

Им, в истории, — честь!

Но мы не примем из лукавых слов ничего!

Мы сами, под ропот вражды и злорадства,

Переживем лихолетье!

Все же заря всемирного братства
Заблестит, — из пещеры руда! —
Но дано заалеть ей
Лишь под знаменем красным — Труда!
1922

Примечания

Ничто (лат.).

[^^^]

2

Где бы статья (др. — греч.).

[^^^]

Экспресс (нем.).

[^^^]

У алтарей (лат.).

[^^^]

И СЫН (НЕМ.).

[^^^]